

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕФОРМАТОРСКОГО ДЕМОКРАТИЗМА В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Р.А. Арсланов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается реформаторская демократическая мысль России как самостоятельный и оригинальный феномен духовной и общественной жизни страны, как целостная, взаимосвязанная и развивающаяся система, органически сочетающая в себе идеи демократизма, либерализма и реформизма. Особое внимание обращается на факторы, определившие процесс ее кристаллизации.

Ключевые слова: демократия, реформаторство, либерализм, народничество, либерально-демократическая мысль, модернизация, конституционализм, свобода личности, гражданское общество, радикализм.

Современное российское общество, как и век назад, переживает сложный, пронизанный различного рода противоречиями период своего развития. Сегодня, как и на рубеже XIX–XX вв., идет поиск путей модернизации страны, ведутся споры о методах ее проведения, социальных и политических силах, способных ее осуществить, возможных последствиях. В этих условиях обращение к реформаторско-демократической модели преобразования страны, разрабатываемой теми мыслителями прошлого, которые обосновывали необходимость мирной демократизации России с учетом всего ее национально-культурного своеобразия, представляется назревшей и актуальной научной задачей.

Особое значение данной теме придает необходимость осмысления проблемы отношения самого народа, воспринимаемого передовой частью российской интеллигенции как главная демократическая сила, к ценностям политической свободы и прав личности. Дело в том, что в пореформенной

России, да и сегодня, народ, испытывая на своих плечах все тяготы осуществляемой государством модернизации, страдая от проводимых либеральных преобразований, в своем большинстве оказался чужд идеям свободы личности, толерантности и реформизма. Духовной элите начала XX в. приходилось не только заботиться о создании гражданского общества и обеспечении участия народа в сознательной политической жизни, но и учитывать его склонность к стихийному протесту, приверженность к простым, а следовательно, радикальным, насильственным методам решения социальных проблем. Вот почему в своих теоретических построениях интеллигенция стремилась соединить ценности политической свободы и прав личности с интересами и настроениями большинства, что, как представляется, остается важнейшей задачей и для современной России. Серьезным препятствием на пути модернизации страны являются и доминирующие в общественном сознании настроения политического индифферентизма и индивидуализма, сочетающиеся с приверженностью идее социальной справедливости и неприятием нарастающей имущественной дифференциации.

На рубеже XIX–XX вв. российский либерализм, как и сегодня, вынужден был искать социальную опору, без которой проекты демократических преобразований оставались теоретической абстракцией. Именно в этих условиях часть либералов обратила свой взор к демократическим слоям общества, полагая, что лишь их вовлечение в политическую жизнь может стать решающим фактором утверждения ценностей свободы и прав личности. Именно им принадлежит заслуга создания такой модели развития страны, которая, учитывая национальную специфику, синтезируя либеральные и демократические идеи, могла привести к мирной, ненасильственной демократизации общества. Представляется, что выявление, реконструкция и исследование проектов демократического обновления страны, исключающих насилие как метод преобразований, позволит лучше представить судьбы либерализма и демократии в современной России.

Актуальность многих теоретических построений российских демократов и национально мыслящих, близких им по духу либералов (К.Д. Кавелина, Н.К. Михайловского, К.К. Арсеньева, В.А. Гольцева, С.Н. Кривенко, В.П. Воронцова, И.И. Иванюкова и др.) особенно остро осознается сегодня, после тех испытаний и трагедий, через которые прошли народы России за истекшее столетие. В своих трудах они неоднократно предупреждали об опасности социальных экспериментов, навязываемых России революционным меньшинством и способных в условиях модернизации традиционного общества вызвать лишь хаос и жестокую диктатуру. В то же время они предлагали учитывать возможности и способности общества к переменам, обосновывали необходимость проведения демократических преобразований с учетом национальных особенностей, стремились создать национальную модель развития, гармонично совмещающую преобразования в экономической, социальной, политической и духовной сферах.

В конечном счете, необходимость исследования демократической традиции в России вызывается насущной потребностью обретения страной собственной формулы прогресса, основанной на органическом синтезе культурного национального опыта и общечеловеческих ценностей. Обращение специалистов в области истории и теории общественной мысли к прошлому и настоящему российской демократии объясняется не только академическим интересом, но и стремлением способствовать тем самым формированию политической культуры, с одной стороны, адекватной национальным условиям, а с другой – противостоящей изоляционистским тенденциям. Лишь на этой духовной основе возможно становление гражданского общества и эффективного правового государства.

Всесторонний анализ современной историографии показал, что, несмотря на тот интерес, который вызывает к себе либеральное и демократическое движение в России, история собственно реформаторской демократической мысли второй половины XIX – начала XX в. еще не стала объектом специального исследования.

Современные отечественные авторы, согласно устоявшейся историографической традиции, обращаются или к истории легального народничества и взглядам его отдельных идеологов (1), или отечественного либерализма пореформенной эпохи (2). По-прежнему не ослабевает интерес и к истории российской интеллигенции, которая представляется как основная идейная и социальная сила различных оппозиционных течений России (3).

В трудах современных исследователей отмечается, с одной стороны, восприятие некоторыми народниками определенных либеральных идей, а с другой, – радикализация в условиях модернизирующейся России части либералов, становление социального либерализма. При этом ученые не только констатируют происходящее с конца XIX в. идейное сближение легального народничества и социального либерализма, но и объясняют его как потребностями развития общественного движения в стране, так и вызовами процесса модернизации (4). Вместе с тем в историографии существует точка зрения, отрицающая данную тенденцию и подчеркивающая неизбежность отчуждения либерализма и демократии в пореформенной России (5). Именно этот раскол, по мнению И.К. Пантина, предопределил их историческую неудачу в эпоху, когда «...основной исторической и социально-культурной задачей было не столько достижение политической свободы... сколько создание условий в деревне, отчасти в городе, для становления человеческой личности...» (6). Именно в разрыве либеральной идеи свободы личности с настроениями основной массы населения, тяготеющей, прежде всего, к принципам общинной уравнительности, а также пытающимися сформулировать их интересы народническими течениями, историк и видит основную причину трагической судьбы либерализма и демократии в России: «драма российской политической истории заключается в том, что демократический и либеральный импульсы вместо того, чтобы дополнять друг друга, как в

США и Западной Европе, вошли в ожесточенное столкновение. Невозможность объединения или хотя бы взаимопонимания этих враждующих в России тенденций деформировала и демократическую и либеральную идеологию: наши демократы не уставали доказывать ненужность (и даже вредность) либеральных свобод, а либералы... сторонились демократизма, усматривая в нем главную опасность свободе и правам личности. В результате демократизм в России все больше принимал плебейский разрушительный характер, а либерализм вынужден был сближаться с охранительной тенденцией...» (7). Анализ развития общественного движения России рубежа XIX–XX вв. подтверждает взгляд ученого на социальную разъединенность либерализма и демократии, отсутствие социальной опоры либеральных идей как основную причину их исторического поражения. Однако его суждение об идеологической несовместимости и противостоянии двух тенденций представляется не соответствующим содержанию духовных исканий российской интеллигенции.

Таким образом, современные отечественные исследователи особое внимание уделяют истории народнической и либеральной мысли, проблемам отношения народа, власти и оппозиционной интеллигенции, программам и деятельности демократических партий начала XX в. В литературе существует также тенденция, подчеркивающая противостояние либералов и демократов, несколько утрирующая их идеологическую непримиримость.

В целом в отечественной историографии был создан значительный теоретический и методологический фундамент, позволяющий под новым ракурсом рассмотреть развитие демократических идей в России. Вместе с тем анализ историографии показал, что изучение системы взглядов многих идеологов демократии, взаимодействие либерального и демократического концептов в России, ведущих к созданию реформаторско-демократической системы мировоззрения, процесса адаптации этой системы к национальной среде лишь начинается, представляя собой одно из новых и прогрессивных историографических направлений.

Разработка темы потребовала выявления и изучения целого комплекса источников, отражающих историю реформаторской демократической мысли в России. Наиболее полно ее становление и развитие прослеживается в опубликованных трудах виднейших представителей либерально-демократического движения пореформенной эпохи (8), а также в программных документах демократических партий России начала XX в. (9).

В данной статье, опираясь на отечественную историографическую традицию, предстоит в самых общих чертах определить социальный слой, продуцирующий и воспринимающий идеи демократии, установить комплекс факторов, ведущих к кристаллизации реформаторской демократической мысли; реконструировать ее основные элементы; установить инвариантное ядро и основные модели. В целом это позволит продолжить дальнейшую разработку различных аспектов этой важной и перспективной темы.

В отечественной историографии утвердилось положение, согласно которому основным носителем идей демократии в пореформенную эпоху являлась российская интеллигенция. Исследователи отмечают складывание ее двух основных групп, эволюция и органический синтез идей которых и вел к формированию феномена реформаторской демократической мысли.

Первая из них, разночинская интеллигенция, выйдя из среды народа, была нацелена на борьбу за народное счастье. Живя в условиях господства авторитарной системы, она, с одной стороны, стремилась к достижению свободы личности, без которой не мыслила свою самореализацию, а с другой, испытывая чувство сострадания к народу, мечтала о социальной справедливости. Вместе с тем эта группа интеллигенции сталкивалась с непониманием и даже отторжением народом ее отвлеченных идей, что особенно ярко проявилось в эпоху «хождения в народ» 1874–1875 гг.

Либеральная, в основном дворянского происхождения интеллигенция («кающиеся дворяне», по Н.К. Михайловскому) осознавала свою вину перед народом и была готова вернуть ему свой «исторический долг». Сыграв огромную роль в подготовке и реализации великих реформ 1860-х гг., принимая активное участие в деятельности земств, она также нуждалась в установлении более или менее гарантированного правопорядка, обеспечении гражданских прав и получении хотя бы минимума политических свобод.

Главное же, что сближало различные группы интеллигенции – это отношение к народу, порождаемое во многом так и неизжитыми ею религиозными настроениями. Ни философский материализм разночинской интеллигенции, ни религиозный индифферентизм значительной части либерального общества не могли скрыть замешанного на православной вере чувства сострадания к народу, желания помочь ему вырваться из бедственного положения.

Сам процесс синтеза реформаторского сегмента народничества и левого крыла либерализма, берущий свое начало в 1880-х гг., вызывался целым рядом факторов как социально-политического, так и теоретического характера.

В первую очередь следует отметить социальные издержки проводившейся государством форсированной модернизации, всей своей тяжестью легшей на плечи народа. Именно ухудшение положения народа и политика правительства, не задумывавшегося о социальных последствиях проводимой модернизации, вызывали обеспокоенность различных групп интеллигенции. Правда, народники, видевшие в крестьянстве центр всей русской жизни, а в служении ему – смысл своего существования, испытывали, скорее нравственные страдания, а либералы, также сопереживавшие тяжелому положению народа, но более рационально воспринимавшие действительность, боялись и его возможных практических последствий, полагая, что разорение деревни может вызвать социальный хаос и развал государства.

Следует учитывать и то, что после трагического опыта радикально настроенной молодежи 1870-х гг., связанного с неудачными попытками сбли-

зиться с народом и поднять его на борьбу с социальным злом, часть народнической интеллигенции начинает избавляться от созданных ею же мифов о «мужике – социалисте по инстинкту», все больше осознавать значение политической свободы для преодоления пропасти, существующей между интеллигенцией и народом, а в перспективе, – для достижения социальной справедливости. Кроме того, эта часть народничества начинает осознавать пагубность насилия как средства борьбы, признавать необходимость ненасильственной эволюции, стремиться к поиску союзников в борьбе за политическое освобождение.

С другой стороны, с наступлением реакции 1880-х гг. часть либералов утрачивает веру в реформаторский потенциал самодержавия, и, продолжая отстаивать идею мирного развития страны, делает ставку на местное самоуправление, начинает допускать возможность оказания ненасильственного давления на власть, например, через активизацию общественного движения, реализацию свободы слова и пр. Кроме того, она все более осознает взаимозависимость между экономическим положением народа и установлением политической свободы, также нуждается в союзниках.

Одним из непосредственных импульсов, ускоривших сближение двух групп интеллигенции, стал голод 1891–1892 гг. Мыслящая Россия воспринимала его, с одной стороны, как предвестник социальных потрясений, а с другой, как свидетельство кризиса власти, ее неспособности выполнять свои основные функции. Трагедия народа вела к консолидации оппозиционно настроенных групп интеллигенции вокруг идеи политического освобождения, которое все более рассматривалось ими как единственный выход из тяжелого положения. Одной из институциональных баз этого объединения служили земства, где существовали и углублялись тесные связи между разночинской интеллигенцией («третьим элементом») и либерально настроенными выборными из помещиков.

Таким образом, новые социальные и политические реалии, порожденные развитием рыночных отношений и политикой правительства, деятельность земств, идейный поиск оппозиционных кругов стимулировали их эволюцию, создавая объективную и теоретическую почву для объединения радикализирующейся части либералов и реформаторских народников.

Какие же положения легли в основу объединения легальных народников и группы либералов, став, в итоге, идеологической базой реформаторского демократизма?

В первую очередь, необходимо отметить идею свободы личности, хотя и имеющую различные теоретические истоки, но в итоге сплотившую значительную часть интеллигенции. У народников представление о необходимости обеспечения свободы личности уходило своими корнями в субъективную социологию П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, которые воспринимали общественный прогресс как результат сознательной деятельности человека, утверждали, что действие исторических закономерностей проис-

ходит не само собой, а в результате их осознания и воплощения в жизнь человеком. Именно личность, в учении Лаврова, «...действующая на общество на основании научного знания необходимого и нравственного убеждения о справедливейшем, есть источник истории» (10). В итоге движение общества к демократии и социальной справедливости, согласно представлениям реформаторской части народников, определялось не подчинением коллективу частных интересов, а обеспечением свободы и всестороннего развития личности.

В свободе и развитии личности «основное движущее начало истории» видели и теоретики российского либерализма. «Народность есть личность собирательная, – утверждал А.Д. Градовский, – следовательно, составленная из единиц, из людей. В этих отдельных людях первый источник всякой жизни, всякого движения, всякого вдохновения и изобретения» (11).

Именно достижение свободы личности, по мнению либералов, должно было благотворно повлиять на экономическое и социальное развитие страны. Вот почему они выступали с требованием «уважать человеческое достоинство, обеспечить свободу слова и мысли, создать порядки, благоприятные для всестороннего развития личности...» (12).

Однако в отличие от представителей классического, западного либерализма часть национально мыслящих отечественных либералов на первый план в условиях России выдвигала даже не права и свободу личности, а ее невыявленность и несформированность. Так, по словам К.Д. Кавелина, и после отмены крепостничества становление личности оставалось самой насущной задачей развития российского общества, а ее отсутствие «составляет наше больное место во всем» (13). Анализ последствий пореформенного развития России убеждал часть либералов в том, что модернизация страны автоматически не ведет за собой формирования «личного начала». Если «судебные гарантии, право передвижения, религиозная терпимость, свобода печати» чрезвычайно важны «для личного и общественного развития», то сами по себе, полагал Градовский, они бессильны «дать человеку самостоятельное внутреннее содержание» (14). При этом становление личности он связывал не столько с распространением образования в народе, сколько с осознанием ею себя равноправной частью всего общества, чему мешало сохранение вопиющего экономического неравенства и сословных перегородок. Главная задача интеллигенции, по мнению части либералов, заключалась в созидании личности, что было невозможно без формирования гражданского общества и преодоления невежества народной массы. При этом они не без основания полагали, что неподготовленная своим внутренним развитием к внешней свободе личность не выдержит ее испытаний, а в результате страна может сорваться в хаос социальных потрясений, что, в свою очередь, приведет к реставрации деспотии, принявшей лишь новую форму. Следует заметить, что и реформаторы-народники опасались того, что «новая элита», подтолкнув непросвещенный народ к революции, могла после ее победы установить свою диктатуру.

Таким образом, свобода и развитие личности, невозможные, по мнению оппозиционной части интеллигенции, без обеспечения гражданских прав, равенства перед законом и просвещения народа, становились идейной основой либерально-демократического течения.

Адептов реформаторского демократизма в России отличало особое отношение к народу. Его восприятие легальными народниками долгое время определялось лавровской теорией исторического долга интеллигенции перед трудовым народом. Суть этой теории сводилась к тому, что исторический прогресс, становление самой интеллигенции происходили благодаря физическому труду миллионов простых людей, «неисчислимым страданиям большинства». Пришло время оплатить эту высокую «цену прогресса», вернуть долг народу, «...расширяя на большее и большее число лиц выгоды материальных удобств жизни, развивающее действие науки, сознание личного достоинства и привлекательное влияние более справедливых общественных форм» (15). Тем самым Лавров призывал интеллигенцию возглавить революционное движение и, опираясь на народ, воплотить в общественных формах принципы социальной справедливости и демократии.

Неудачные попытки революционной части интеллигенции в 1870-х гг. поднять народ против существующих общественных порядков, его неприятие революционной пропаганды заставили часть народничества по-новому взглянуть на объект своего преклонения. В результате первого опыта непосредственного общения с народом выяснилось, что долгое время он воспринимался в качестве некой социологической абстракции, наделялся качествами, которые в действительности не обладал. Со временем представители народнического крыла реформаторского демократизма перестают воспринимать народ творцом новых социальных отношений, начинают выявлять и анализировать его недостатки, доказывать, что о нем следует судить не по «заветным идеалам», которые он якобы скрывает от всех, а по его реальной жизни, порой весьма грубой и жестокой (16). В итоге подлинные демократы отказываются от идеализации народа, выдвигают на первый план задачу создания условий для его общественного и культурного развития.

Близкую позицию по отношению к народу занимали и многие русские либералы. Так, В.А. Гольцев в своей программной статье, опубликованной в журнале «Русская мысль», писал о том, что основное внимание издание будет уделять народу «с его потребностями, страданиями, горькою нуждою, ужасающим невежеством» (17). Еще более красноречиво отношение к народу сформулировал один из ведущих публицистов флагамена русского либерализма журнала «Вестник Европы» К.К. Арсеньев: «для нас, как и для большинства русских либералов, понятие о народе совпадает с понятием о России; работа, предстоящая России, должна быть предпринята не только для народа, но и с участием народа (чем не народническое – «все для народа и через народ». – *Р.А.*)» (18).

Вместе с тем русские либералы, как и народники-политики, выступали против слепого преклонения перед народом, осуждали попытки «возвеличивания стихийного состояния перед культурным, превознесения нутра над честными усилиями просвещенной мысли» (19), полагая, что «рабское подчинение мнению большинства было бы ничем не извиняемою изменою народу в широком... смысле этого слова» (20).

Таким образом, отказ от идеализации народа, стремление понять и сформулировать не всегда им самим осознаваемые интересы при одновременном выдвигании задачи подъема его благосостояния и культуры на первый план стали платформой объединения мирных народников и левых либералов.

Сторонников реформаторского демократизма сближало также отношение к интеллигенции, в которой они хотя и видели основного субъекта модернизации страны, но отказывали ей, в отличие от народников-семидесятников, в выполнении особой мессианской роли спасителя народа от социальной несправедливости. Ее основные функции начинают приводиться в соответствие с реальными потребностями и возможностями самого народа, а не построений утопических теорий. Главной задачей интеллигенции теперь считалось просвещение народа, приобщение его к умственным и нравственным ценностям цивилизации. Вместе с тем народники-политики полагали, что интеллигенция должна пробуждать в народе и недовольство существующими общественными порядками, подключать его к сознательной борьбе с существующим строем (21).

Либералы также начинают видеть именно в интеллигенции силу, способную не только просветить народ и выразить его «лучшие стремления», но и организовать его, создать в нем общественное мнение, способное заставить власть пойти на реформы. Кроме того, интеллигенция в их глазах должна была играть роль посредника «...между своим народом и другими просвещенными нациями... проводить в свою страну приобретения общечеловеческой цивилизации» (22). Для выполнения же своей культурнической и политической миссии интеллигенция обязана была преодолеть раскол, существующий между ней и народом. Решить же эту сложнейшую историческую задачу она могла, лишь активно продвигая свои идеи в народ, беря на себя ответственность за его образование, что, по мнению Гольцева, и должно было, в конечном счете, привести к обретению либералами народной поддержки (23).

Таким образом, именно в рамках реформаторского демократизма была поставлена сложнейшая задача «внесения» либерально-демократических идей в народные массы, обосновывалась мысль, согласно которой интеллигенция могла соединить европейские демократические ценности с русской почвой, наполнить европейские политические формы реальным национальным содержанием.

Различных представителей реформаторского демократизма объединяло также совпадение взглядов на ряд проблем социально-экономического раз-

вития пореформенной России. Для его народнического крыла крайне актуальной оставалась критика капитализма, который воспринимался как регресс, несущий народу лишь новые страдания. Основное его зло заключалось в разрушении народных форм производства (общины, артели), а, следовательно, в разорении большинства населения (24).

Настороженное отношение к русской буржуазии, определенная антибуржуазность была присуща и многим русским либералам, которые активно выступали против «неограниченных прав капитала» (25). Немногочисленные же сторонники классического экономического либерализма, например, Б.Н. Чичерин, оказывались в идейной изоляции (26). Более того, такие либералы, как Арсеньев, стали признавать историческую обоснованность социалистического взгляда на общество, доказывать, что «государственный социализм (под ним понималась активная социальная политика государства. – *Р.А.*) ...нисколько не угрожал главным ценностям либерализма: свободе печати, совести и мысли, неприкосновенности личных прав, местному и общему самоуправлению» (27).

Вместе с тем антибуржуазность русских либералов, в отличие от народников, не была доминантной составляющей их концепции. Скорее, она вызывалась экономическими реалиями модернизирующейся России, «ужасами первоначального накопления капитала», став духовной реакцией на грубые формы капитализма в стране.

Важнейшим элементом реформаторского демократизма являлось отношение к крестьянской общине. При всем своеобразии ее восприятия различными представителями демократической мысли (так, народники видели в ней, прежде всего, зародыш социализма, пример проявления принципа солидарности людей и пр. (28), а либералы – основу хозяйственной деятельности крестьянства, факт национальной культуры), их объединяла идея необходимости сохранения и развития общины. Идеологи либеральной демократии рассматривали общину как средство защиты крестьянства от стихии рыночных отношений и обеспечения его материального положения, как «главную гарантию против обезземеливания массы» (29). Вместе с тем, не идеализируя общину, осознавая, что она сковывает свободу личности, становясь фискальным средством для усиления бюрократического произвола, адепты реформаторской демократии предлагали план ее реформирования. Его суть заключалась в переходе земель во владение крестьян, развитии подворного хозяйства, освобождении земледельцев «...от стеснений, налагаемых на них паспортной системой и круговой порукой» (30), что вело к постепенному превращению общины в «свободный союз», основанный на «личном труде» (31). С другой стороны, либералы, в отличие от народников, оставались сторонниками сохранения и развития в стране частной собственности, в которой они видели одно из условий обеспечения свободы личности и экономического прогресса (32). Таким образом, выступая за взаимодействие различных форм собственности, либералы разработали такую модель смешан-

ной экономики, которая соответствовала условиям крестьянской страны, вставшей на путь модернизации.

При этом следует отметить, что в народническом течении все же продолжали доминировать представления о превосходстве общественной собственности и искусственном характере насаждаемого сверху капитализма, который принимал в результате этого уродливые черты и мог разрушить самобытные народные формы народного производства.

Однако в целом именно в обновленной общине, соединяющей человека с собственностью, а, по сути, коллективистскую традицию с либерально-индивидуалистическими ценностями, представители демократической мысли видели залог спасения России как от бедствий хищнического капитализма, так и от попыток насильственного воплощения социальных утопий.

Все течения реформаторского демократизма объединяла также концепция сильного социального государства, слуги народа, стремящегося к восстановлению социальной справедливости по отношению к слабым и бедным. Еще Кавелин доказывал, что принцип экономической свободы, проповедуемый «манчестерской школой», был применим лишь тогда, «когда силы борющихся одинаковы; но когда они неравны, на государстве и обществе лежит обязанность поддержать более слабых, уравновесить шансы борьбы для пользы и блага всех» (33). Более четко и последовательно с критикой знаменитого *laissez-faire* выступил Гольцев, который обосновывал необходимость вмешательства государства в социально-экономическую сферу «интересами общественной безопасности и справедливости» (34). К идее защиты государством интересов неимущих классов, оказания государственной помощи артелям и кустарным промыслам не раз обращался и Михайловский (35). Практически всех сторонников реформаторского демократизма объединяла мысль, что без поддержки государством «трудящихся классов» и ликвидации нищеты большинства населения невозможно достижение и подлинной политической свободы.

Таким образом, идеологи реформаторского демократизма, отказавшись от установок и старого народничества, воспринимавшего государство как силу, враждебную народу, и классического либерализма, с его идеей невмешательства государства в экономическую жизнь, обосновывали необходимость активной социальной политики, с которой связывали движение к социальной справедливости и утверждение демократических ценностей. С другой стороны, они доказывали, что активная социальная политика не только не угрожает правам личности и политической свободе, о чем твердили либералы-ортодоксы, но, порождаемая требованиями российских реалий, во многом определяет их прочность и развитие.

В итоге реформаторская демократическая мысль одной из первых среди других оппозиционных общественных течений России приступила к обоснованию необходимости осуществления национальной модели модернизации страны с опорой на многоукладную экономику, активную социальную

роль государства, с учетом ее исторических особенностей (например, поземельной общины и сильного государства), принципиально отличающейся от ее западного образца.

Основной объединяющей все течения реформаторского демократизма идеей становится борьба с самодержавным авторитаризмом. Общие для всего демократического движения требования политических свобод и созыва выборного представительного органа, «располагающего правом обсуждения законопроектов и бюджета, полного контроля над действием администрации» (36), отстаивал, например, Гольцев. Подчеркивая близость взглядов либералов и народников-политиков во главе с Михайловским на политические свободы, он полагал, что расхождения между ними заключаются «лишь в оценке путей к достижению... независимости личности» (37). С другой стороны, разочарование в народе как субъекте борьбы за свободу заставило и народников обратиться за поддержкой к либералам-конституционалистам, выступить с идеей согласования действий и оказания взаимопомощи.

В итоге понимание различными группами интеллигенции роли свободы личности и необходимости демократизации страны превращается в решающий фактор либерально-народнического синтеза, который и ведет к складыванию реформаторского демократизма.

При этом для народнического ее крыла решение социалистических задач откладывалось на отдаленное будущее, а достижение политической свободы, без которой невозможно развитие личности, стало выдвигаться на первый план. Вместе с тем, как и либералы, они видели неготовность российского общества к немедленному установлению свободы, полагая, что несвоевременная революция могла привести страну лишь к диктатуре просвещенного меньшинства. Вот почему представители реформаторской демократии ратовали за создание социальных и культурных условий, необходимых для утверждения политической свободы, обосновывали идею постепенного перехода к демократии.

При этом особую роль они отводили развитию земского самоуправления, в котором видели основу построения демократической системы в ее национальной форме, самое эффективное средство и политического воспитания народа, и его продвижения к свободе. Гольцев, отмечая заслуги земских учреждений в развитии народного благосостояния и общественного правосознания, призывал интеллигенцию содействовать «...живому и плодотворному росту личности на Руси и отстаивать наше самоуправление...» (38).

Для народников-реформаторов земство, правда, «достроенное» до общегосударственного уровня (т.е. существующее в форме общероссийского представительного и свободно избранного органа. – *Р.А.*), представляло собой, помимо прочего, силу, способную заменить в управлении страной бюрократию (39).

Следует учитывать и то, что земское самоуправление, как и община, привлекало реформаторских демократов возможностью осуществления при

определенных условиях исторического компромисса между индивидуальным и коллективным, частной инициативой и общественным интересом, личной свободой и государственным порядком, что и являлось воплощением на практике либерально-демократического синтеза. Таким образом, земство становилось решающим фактором продвижения к демократии, к тому же гарантирующим соблюдение основополагающего для демократической интеллигенции принципа: «все для народа и через народ».

Общей для всех представителей реформаторского демократизма становится также идея мирной эволюции, неприятие насильственных мер преобразования страны, откуда бы они не исходили: власти, народа или радикальной интеллигенции (40). Либералы осуждали не только революционную пропаганду, в которой они видели «иезуитские планы натравливания бедных классов на богатые путем воздействия на... хищные инстинкты толпы», но и стремление революционеров «...путем захвата власти, диктатуры, терроризации общества и народа навязать стране свои законы и порядки» (41). Следует заметить, что либералы крайне болезненно реагировали на обвинения в их адрес со стороны представителей реакционного лагеря в том, что они были «духовными отцами» радикальных революционеров, под которыми подразумевались народовольцы-террористы, доказывая полную идейную и практическую несовместимость этих течений (42).

Особенно критично либеральные демократы относились к революционному марксизму, пытавшемуся, по их мнению, с помощью теории классовой борьбы научно обосновать неизбежность революции и установления диктатуры меньшинства. Не веря в возможность «одним рывком» преодолеть отсталость и прорваться в идеальное будущее, идеологи реформаторского демократизма отмечали очевидные противоречия марксизма, подчеркивали преувеличение им социально-экономического фактора в развитии общества и недооценку роли идей и народного самосознания. По их мнению, марксистский постулат исторической необходимости не оставлял места свободе, активно-преобразовательной деятельности людей (43).

Весьма противоречиво представители реформаторской демократической мысли относились к антитезе «Россия–Запад». С одной стороны, они не видели иной альтернативы развития страны, как движение в западном направлении, предполагающее создание европейских правовых и культурных форм, отмечали благотворное влияние западноевропейского просвещения на появление в России понятий о правах гражданина и свободе личности. Более того, они выступали против сохранения той «мистической самобытности» русского народа, которая сводилась к преклонению перед его суевериями и предрассудками, доказывали, что не могут быть изобретены «специально русские суррогаты свободы личности и справедливости» (44).

С другой стороны, реформаторы-демократы осуждали слепое копирование, а тем более насильственное перенесение европейских форм на русскую почву, выступали сторонниками творческого переосмысления дости-

жений западной цивилизации в интересах всего народа, полагая, что он «может и должен прибавить нечто свое к общей работе человечества» (45), отстаивали те «истинные национальные особенности» (например, крестьянскую общину, артель и пр.), которые, по их мнению, обеспечивали движение страны к будущему (46).

В целом адепты реформаторского демократизма ратовали за органическое внедрение европейских форм в контекст русской культуры и общественной жизни, за самостоятельное и творческое воплощение демократических ценностей на национальной почве, за свой путь модернизации страны.

Практическое сближение реформаторского народничества и социального либерализма протекало в рамках сотрудничества представителей этих течений в земских учреждениях, в журналах («Русское богатство», «Русская мысль», «Вестник Европы»), а также совместной просветительской и благотворительной деятельности.

В начале XX в. теоретические искания либеральных демократов и их идейная близость приобретают программное оформление. В идеологических установках Партии демократических реформ (ПДР), которая оценивается в современной историографии как первый опыт создания в России либерально-демократической партии «почвенного» типа (47), синтез демократических и либеральных идей получил свое концептуальное воплощение. В основе программы партии лежали идеи о преимуществах эволюционного пути развития общества, ведущего к реализации национальной модели демократии, в которой особое место отводилось земству, а также об осуществлении перемен путем постепенных социально-экономических, политических и культурных изменений, происходящих с учетом своеобразных условий России. Одновременно идеологи партии подчеркивали наличие прямой связи между открытостью страны, ее способностью воспринимать ценности западной цивилизации («западной образованности») и укреплением ее самобытности (48).

Таким образом, становление реформаторской демократии на базе либерально-народнического синтеза стало настоящим императивом времени. Эффективное противодействие власти, отстаивание гражданских свобод при одновременном недопущении сползания страны в хаос революционных потрясений было возможно лишь при консолидации всех сил мирной оппозиции. Представители реформаторского демократизма видели политическую пассивность народа, его неготовность к свободе и неприятие навязываемой и проводимой сверху модернизации. Основным субъектом изменений они считали демократическую интеллигенцию, переживая ее оторванность от народа, делая все возможное для преодоления существующего разрыва.

В целом для реформаторов-демократов приоритетными были не абстрактные идеи свобод и естественных прав личности, а методы и пути их обеспечения в социокультурных условиях России. Их объединяло стремление улучшить материальное положение народа в условиях ускоренной мо-

дернизации России; обеспечить мирную трансформацию авторитарной системы в конституционно-демократическое общество; создать условия для всестороннего развития личности, добиться гарантии ее гражданских прав и политических свобод. Назревшие преобразования они планировали проводить с учетом историко-культурных традиций страны, что не означало ее изоляцию, а предполагало восприятие и творческое переосмысление ценностей западной цивилизации, призванное укрепить ее лучшие самобытные черты.

Вместе с тем, наряду с наличием общих черт, в рамках реформаторского демократизма существовали и определенные различия. Концептуальной основой либерально-демократического направления стал синтез идей прав и свобод личности с интересами большинства населения, проходящий с учетом низкого культурного уровня народа, его неготовности к политической свободе. Реформаторское же народничество во главу угла ставило развитие народных, коллективистских форм хозяйствования (общины, артели), критиковало уродливые формы капитализма, насаждаемого, по его мнению, сверху государством.

Реформаторская демократическая мысль России стала ответом демократической интеллигенции на вызовы пореформенной модернизации, ее стремлением адаптировать либерально-демократические ценности к национальным условиям России рубежа XIX–XX вв.

В итоге созданный идеологами реформаторского демократизма проект преобразований, предполагающий достижение социального консенсуса и объединение реформаторских сил, не нашел поддержки в поляризованном и политически расколотом обществе. Тем не менее, либерально-демократическая мысль, обогатив демократическую идеологию России, стала заметным явлением общественной и культурной жизни страны, а многие элементы разработанной ее представителями модели российской модернизации могут быть востребованы и сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. – М., 1995; *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. – М., 1997; *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. – Воронеж, 2010; и др.
- (2) *Арсланов Р.А.* К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. – М., 2000; *Артемьева Е.В.* Общественно-политическая программа журнала «Вестник Европы»: 1880-е гг.: Автореф. дисс. ... к.и.н. – Н. Новгород, 2009; *Китаев В.А.* Либеральная мысль России (1860–1880-х гг.). – Саратов, 2004; *Нарежный А.И.* Российский либерализм: история, опыт, политика. – Ростов н/Д., 1996; *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы* // Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 1999; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. – М., 1996; и др.

- (3) *Березовая Л.Г.* Самосознание русской интеллигенции XX в.: Автореф. дисс. ... д.и.н. – М., 1994; *Дворкин В.З.* Концепция интеллигенции в русской общественной мысли конца XIX – начала XX века: Автореф. дисс. ... к. филос. н. – Л., 1984; Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию // Сб. «Вехи». – Екатеринбург, 1998; *Итенберг Б.С.* Русская интеллигенция и Запад. Век XIX. – М., 1999; *Соколов А.В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. – СПб., 2007; *Щетинина Г.И.* Идеиная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX – начало XX в. – М., 1995; и др.
- (4) См.: *Блохин В.В.* Очерки истории народнической мысли второй половины XIX в. – М., 2009. – С. 170, 208; *Егоров А.Н.* Проблема взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной исторической науке // *Российская история*. – 2009. – № 2. – С. 124–135.
- (5) *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. – М., 1997; *Пантин И.К.* Историческая драма русского либерализма // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы*: Мат-лы конф. – М., 1999.
- (6) *Пантин И.К.* Историческая драма русского либерализма... – С. 94–95.
- (7) *Пантин И.К.* Драма российских реформ и революций // *Империя и либерализм*: Сб. ст. – СПб., 2001. – С. 34.
- (8) См.: *Арсеньев К.К.* За четверть века (1871–1894): Сб. ст. – Пг., 1915; *Гольцев В.А.* Воспитание, нравственность, право: Сб. ст. – М., 1889; *Градовский А.Д.* Собр. соч.: В 9 т. – СПб., 1899–1904; *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: В 4 т. – СПб., 1897–1900; *Кривенко С.Н.* Собр. соч. – СПб., 1911. – Т. 1–2; *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. – СПб., 1906–1914. – Т. 1–8, 10; *Чупров А.И.* Речи и статьи: В 3 т. – М., 1909; и др.
- (9) См.: Программы политических партий России конца XIX – начала XX в. – М., 1995; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Докты и мат-лы. 1906–1916. – М., 2002; Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. – М., 2000.
- (10) *Лавров П.Л.* Философия и социология. Избр. произведения: В 2 т. – М., 1965. – Т. 1. – С. 631.
- (11) *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880): очерки и опыты. – СПб., 1880; М., 2007. – С. 434.
- (12) *Гольцев В.А.* Социология на экономической основе // *Русская мысль* (далее – РМ). – 1893. – № 11. – С. 155.
- (13) Письмо Кавелина к П.В. Анненкову // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). – Ф. 7. – № 43. – Л. 31.
- (14) *Градовский А.Д.* Трудные годы... – С. 100.
- (15) *Лавров П.Л.* Исторические письма // Избр. тр. – М., 2010. – С. 94. См. также: *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. – Т. 1. – Стб. 868.
- (16) Подробнее см.: *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. – С. 179–186.
- (17) *Русская мысль*. – 1880. – № 1. – С. 88.
- (18) *Арсеньев К.К.* За четверть века. 1871–1894: Сб. ст. – Пг., 1915. – С. 97.
- (19) *Гольцев В.А.* Литература и жизнь. Критические заметки // РМ. – 1888. – № 3. – С. 163.
- (20) *Гольцев В.А.* Образованность и народная правда // *Русский курьер*. – 1882. – 25 марта. – № 82.
- (21) См.: *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. – Т. 3. – Стб. 778, 780.
- (22) *Гольцев В.А.* Национальный вопрос в XIX в. Из политического наследия прошлого столетия // РМ. – 1901. – № 3. – С. 150.

- (23) См.: *Гольцев В.А.* Литература и жизнь. Критические заметки // РМ. – 1889. – № 3. – С. 180.
- (24) Подробнее см.: *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. – С. 253–254.
- (25) См. *Арсеньев К.К.* За четверть века... – С. 151.
- (26) *Китаев В.А.* Либеральная мысль в России (1860–1880-е гг.). – Саратов, 2004. – С. 157.
- (27) Цит. по: *Китаев В.А.* «Вестник Европы» и революционное движение России на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Исторические записки. – М., 2002. – Т. 5 (123). – С. 295.
- (28) Подробнее см.: *Жвания Д.Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский): Автореф. дисс. ... к.и.н. – СПб., 1997.
- (29) *Арсеньев К.К.* За четверть века... – С. 92.
- (30) Там же. – С. 93.
- (31) Русская мысль. – 1880. – № 1. – С. 88.
- (32) См.: Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал.Ив. Герцену. – Женева, 1892. – С. 58–59.
- (33) *Кавелин К.Д.* Собр. соч. – Т. 2. – Стлб. 438.
- (34) *Гольцев В.А.* Пауперизм на Западе Европы // Вопросы дня и жизни (публичные лекции, речи и статьи). – М., 1892. – С. 123.
- (35) См.: *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. – Т. 3. – Стб. 72.
- (36) *Гольцев В.А.* Особое мнение на частном совещании о необходимости введения политических свобод в России // Отдел рукописей РГБ. – Ф. 77 (В.А. Гольцев). – К. 23. – Д. 14. – Л. 1–1 об.
- (37) *Гольцев В.А.* Либерализм и народничество // Голос. – 1882. – № 320.
- (38) Цит. по: *Чешихин-Ветринский В.Е.* Биографический очерк // Памяти Виктора Александровича Гольцева. – С. 19–20.
- (39) См.: *Кривенко С.Н.* Собр. соч. – Т. 2. – С. 156, 283.
- (40) Подробнее см.: *Зверев В.В.* Реформаторское народничество... – С. 363–365.
- (41) Цит. по: *Ведерников В.В.* В.А. Гольцев и его статья «Земский собор» // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории // Сб. ст. – М.; Л., 1980. – Вып. 2. – С. 155.
- (42) *Арсеньев К.К.* За четверть века... – С. 452, 453.
- (43) Подробнее см.: *Блохин В.В.* Очерки истории народнической мысли второй половины XIX в. – С. 179–207.
- (44) *Арсеньев К.К.* За четверть века... – С. 153; *Слонимский Л.З.* Либералы и либерализм в Западной Европе // Вестник Европы. – 1883. – № 1. – С. 429.
- (45) См.: *Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII в. – СПб., 1896. – С. 23; *Он же.* Идеалы и действительность // Вопросы дня и жизни (публичные лекции, речи и статьи). – М., 1892. – С. 65.
- (46) *Арсеньев К.К.* За четверть века... – С. 98.
- (47) *Хайлова Н.Б.* Партия демократических реформ: Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1994; *Она же.* Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. – М., 1999. – С. 293–305; *Политические партии России: история и современность.* – М., 2000. – Гл. V. – С.122.
- (48) Программа партии демократических реформ // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Док-ты и мат-лы. 1906–1916. – С. 24–39.

FORMATION AND EVOLUTION OF REFORMATORY DEMOCRATISM IN RUSSIA LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

R. Arslanov

Chair of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

In the article the author analyzes the reformatory democratic thought of Russia as an independent and original phenomenon of spiritual and public life of the country, as the complete, interconnected and developing system integrally combining ideas of democratism, liberalism and reformism. The special attention is paid to factors which have defined process of its crystallization.

Key words: democracy, reformism, liberalism, populism, liberally-democratic thought, modernization, constitutionalism, personal freedom, civil society, radicalism.